

НАШИ ГОСТИ

На литературном вечере Игоря Ильинского

Можно по-разному попытаться определить своеобразие творческой манеры Игоря Ильинского как чтеца. Скажем, можно подчеркнуть, что он замечательно владеет искусством перевоплощения, и это будет безусловно верно. Кто, например, хоть раз слышал в его исполнении басню Сергея Михалкова «Заяц во хмелю», тот запомнил и самонадеянные, хвастливые интонации перепившегося Косого, сменяющиеся угодливыми и подобострастными после встречи со Львом, и рассудительные—Ежа, и величественные, с перекатами голоса — Льва. Артист и впрямь мигом перевоплощается то в одного, то в другого персонажа басни. Или же читает Игорь Ильинский чеховский рассказ «Оратор». Вот Поплавский, спеша и задыхаясь, убеждает Запойкина закатить речь на похоронах коллежского асессора Вавилонова, и вот уже сам Запойкин, записной оратор, мастер свадебных, юбилейных и похоронных речей, взял слово, а под конец рассказа заговорил и обиженный Прокофий Осипыч, который вполыхал был принят за покойника. Три разных персонажа — три речевых характеристики да еще и расцвеченный разнообразными интонациями авторский текст, иронический, остро насмешливый, исполненный чеховского юмора. И это повторяется в любой вещи, которую читает Ильинский. В чеховском же рассказе «Пересолил» артист легко и искусно варьирует интонации землемера, станционного жандарма, возницы или же в «Ночи перед судом» — рассказчика, Федю и Зины.

Итак, легкое и быстрое перевоплоче-

ние — вот, казалось бы, основное в даровании чтеца. Но еще немного внимания — и вы убеждаетесь, что тот же, к примеру, Косой из басни Михалкова, и кот Василий из другой басни того же автора, и чеховский «оратор», и Петр Иванович Болдашкин из стихотворения Маяковского «Подлиза» — все они даны в остро гротесковом плане, в обнаженно комической манере, и вот уже создается впечатление, что именно здесь заложено своеобразие Ильинского чтеца. Но послушайте еще... Артист читает «Прозаседавшихся» Маяковского или басню «Преступление без наказания» Михалкова, или «Коты и мыши» его же и поднимается до гневной сатиры, до настоящего пафоса. Не здесь ли следует искать творческую специфику Ильинского?

Но кто же вместе с тем не улавливает в его исполнительской манере и необычайного внимания к самым мелким бытовым деталям, к остро характерному слову? Возница Клим из рассказа «Пересолил» предстает перед слушателями во всем своем бытовом облике угрюмого, одетого в рваную сермягу и лапти мужика, донельзя напуганного трусливым землемером. А сам землемер тоже дан во всей его характерности: его видишь, ощутишь как живого человека, слышишь сначала заискивающие нотки, потом их вытесняет напускная храбрость, и, наконец, он хрипит от двухчасового крика, и только четкая дикция артиста доносит до нас его жалобное: «Климушка! Голубчик! Где ты. Климушка?».

Так, может быть, это искусное подчеркивание бытового, характерного, житейского типичного составляет главную силу Ильин-

ского как мастера художественного слова? Или же его столь ярко выраженная склонность к театрализации, к неподражаемой мимической игре, изобретательному жесту? В рассказе «Пересолил» артист, театрализуя чтение, даже вскакивает на стул, словно растерявшийся землемер подымается на телеге, ища пропавшего Клим и вглядываясь в темную лесную даль.

Сам Ильинский как будто видит свое творческое своеобразие именно в этом. «Чтец, по-моему, — писал он в 1937 году, — должен быть актером, театрализирующим отдельные моменты исполняемого произведения и выражающим актерскими средствами свое отношение к литературным образам... Я выступаю перед аудиторией как бы в качестве переводчика с литературного на сценический язык». Но театрализация бывает разная. Ильинский, в отличие, скажем, от Балашова, не прибегает к средствам внешней театрализации, к игре вещами, костюму, легкому гриму, к музыкальному сопровождению и т. п. Игорь Ильинский пользуется только словом, очарование которого — в его большой и умной простоте, естественности, непринужденности и вместе с тем артистической отточенности.

Но и этого недостаточно для определения чтецкого своеобразия артиста. Кто же в самом деле не знает неотразимой силы юмора артиста, его лукавых и очень насмешливых интонаций, которые, может быть, еще ошутимее в студийных передачах по радио, так как для слушателя пропадает богатая мимика исполнителя и остается только звучащее слово.

Можно было бы на этом остановиться и считать, что и искусство перевоплощения, и гротеск, и «вкус» к бытовой характеристике, и театрализация, и мимическая игра, и, главное, несравненный юмор исчерпывают творческое лицо артиста. Но вот после «Оратора» и «Ночи перед судом» он называет заголовок еще одного чеховского рассказа. «Токарь Григорий Петров, издавна известный за великолепного мастера и в то же время за самого непутевого мужика...» — произносит актер первые слова рассказа «Горе». Это уж совсем другие интонации, другой Ильинский, очень просто, человечно, с драматической силой рассказывающий о неизбывном горе, которое неожиданно-нежданно застало ошалелого токаря. И в этом случае артист переводит чеховский рассказ с литературного языка на сценический, но делает это иными средствами.

Так, грань за гранью, раскрывается многостороннее дарование актера и вернее всего будет сказать о нем так: своеобразие Игоря Ильинского состоит в том, что он во всех исполняемых им произведениях остается... Игорем Ильинским, замечательным и самобытным артистом, гордостью советского театра и литературной эстрады, неутомимым пропагандистом отечественной классики и современных писателей. Сатирик и юморист, он помогает своим острым словом выкорчевывать пережиточное, теневое, что подчас лежит на пути нашего движения вперед.

Б. ПОДОЛЬСКИЙ.